

МИССИОНЕРСКАЯ НАУКА И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: ПРЕДЫСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В статье на документальной основе рассматривается проблема возникновения новых средств объективации знания в процессе эволюции вузовских дисциплин, в частности, возникновения вузовского музея как средства репрезентации принципиально нового содержания, которое появляется в процессе взаимодействия теоретического и эмпирического уровней знания. Проблема прослеживается на примере предыстории открытия историко-этнографического музея в Казанской духовной академии, который находился на пересечении академического образования, миссионерской науки и православной миссии в восточном регионе Российской империи.

Ключевые слова: история вузовского образования; миссионерские науки; музеи.

В современных условиях реформирования системы высшего образования, установления новых образовательных стандартов и дискуссий вокруг них становится актуальным обращение к вопросам истории российского вузовского образования. Это объясняет интерес исследователей к проблеме появления новых средств объективации знания в процессе эволюции вузовских дисциплин, в частности, возникновения вузовского музея как средства репрезентации принципиально нового содержания, которое появляется в процессе взаимодействия теоретического и эмпирического уровней знания. Обращение к предыстории открытия музея в Казанской духовной академии позволяет сделать эту проблему яснее.

Проблема зарождения и развития дореволюционных вузовских музеев является открытой для изучения. М.И. Бурлыкина касается истории возникновения академических музеев, рассматривая их в числе отраслевых, но в контексте университетского устава. Она упоминает казанский академический музей, отмечая, что впервые вопрос о его создании был поставлен в 1912 г. [1. С. 5, 146–152, 204–209]. Вместе с тем его открытие в 1912 г. [2. С. 59] предвещало предысторию, которая до сих пор оставалась вне исследовательского внимания.

Каждая академия имела свой профиль [3. С. 350]. Казанская академия была миссионерской направленности, так как являлась центром духовно-учебного округа всех восточных регионов Российской империи, включая Западную Сибирь. Музеи в академиях появились во второй половине XIX в., после введения по Уставу 1869 г. в программу образования курса по церковной археологии [4. С. 552]. Предмет новой дисциплины составляло церковное искусство, которое выражало православное вероучение не словом, а языком образа [5. С. 26]. Музеи назывались церковно-археологическими. Они были открыты в Киевской, Петербургской, Московской академиях [6. С. 727]. Первая попытка открыть музей в Казанской академии была предпринята в 1873 г. Преподаватель церковной археологии Николай Красносельцев во время ревизии академии обратился к инспектору, будущему митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову) [7], с просьбой об устройстве музея. В ответ Св. Синод предложил обеспечить потребности кафедры «выпискою книг с рисунками», на что даже выделил некоторые средства [8. С. 355].

В 1881 г. Н. Красносельцев обратился в Совет академии с повторным прошением об изыскании средств на открытие церковно-археологического музея при акаде-

мии. Преподаватель обосновывал «надобность и пользу» музеев тем, что «они важны, с одной стороны, как пособие для преподавания археологии, а с другой, может быть еще более важны, как собрания подлинных документов по разным отраслям исторических и даже богословских наук, и как надежные хранилища таковых документов...» [8. С. 355]. Однако Совет отложил решение до «более благоприятного времени» [9. С. 250]. К вопросу о создании музея вернулись в 1888 г., когда проф. Н. Красносельцев в очередной раз обратился в Совет с просьбой изыскать средства на его создание. В результате была создана комиссия по делу об учреждении церковно-археологического музея [10. С. 26].

Итак, в 1872 г. был создан музей в Киевской академии, в 1879 г. – в Петербургской, в 1880 г. – в Московской, в 1888 г. была создана комиссия для разработки проекта в Казанской. Внешне динамика развития музейного дела в духовных академиях выглядит ровной, в русле обеспечения наглядности преподавания церковной археологии. Но обратимся к составу профессоров, создававших музейный проект. Феодор Курганов, возглавивший комиссию, преподавал курс по общей церковной истории, Николай Красносельцев – по археологии и литургике, Василий Миротворцев и Михаил Машанов преподавали миссионерские науки: первый руководил противобуддистским направлением, второй преподавал противомусульманские предметы [10. С. 46, 50–51]. Таким образом, комиссия по организации музея церковной археологии состояла из двух преподавателей церковных истории и искусства и двух преподавателей миссионерских наук.

Если бы казанский музей был организован с первых попыток, он оказался бы в ряду церковно-археологических музеев. Но в 1884 г. был принят новый академический Устав, который официально признал миссионерскую специализацию Казанской духовной академии, фактически существовавшую с момента ее воссоздания в 1842 г. Таким образом, в Казани кроме обязательных для всех академий филологической и исторической специализаций была еще миссионерская [11. С. 238, 239]. К вопросу о создании музея не случайно вернулись в 1888–1889 гг. Во-первых, близился 50-летний юбилей академии, и это событие послужило поводом для осмысления ее места и значения, осмысления миссионерской науки как «имеющей... перво-степенное значение в миссионерском деле» [12. С. 30]. Во-вторых, это был переломный момент в судьбе миссионерского отделения, когда в академии развернулись дискуссии о дальнейшем его существовании. После

почти 5-летнего опыта развития в узаконенном формате отделение столкнулось с кризисом, который внешне проявился недостаточным числом студентов, выбиравших специализацию. Образовался разрыв между академической миссионерской наукой и миссионерской практикой.

Факультативное развитие миссионерских дисциплин в период с 1869 по 1884 г. усилило их и без того выраженный «академизм» и теоретическую составляющую. Между тем, по своему характеру они должны были готовить к практической миссионерской деятельности. Параллельно шло накопление практического опыта православного миссионерства в Сибири, шло осознание реальных потребностей практической миссионерской деятельности, о чем свидетельствовали многочисленные отчеты и дневники миссионеров, опубликованные в местной и центральной периодической печати, неформальное общение с казанскими профессорами. В итоге в поисках путей сопряжения академического знания с практикой был разработан ряд проектов. Одним из них и стал разработанный комиссией проект по созданию академического музея, представленный на рассмотрение Совета академии в 1889 г. Проект учитывал «местные и научные потребности», а равно и особенности в курсе наук», согласно с программой Казанской академии, поэтому должен был иметь «некоторые весьма важные и значительные особенности сравнительно с другими академиями» [13. С. 6, 8, 9]. Эти особенности трансформировали первоначальную идею академического музея. Комиссия предложила к церковно-археологическому направлению добавить миссионерско-этнографическое. Название музея предполагалось как «церковно-археологический и миссионерско-этнографический музей».

Научная разработка и успешное преподавание церковной археологии и миссионерских наук были главными целями его создания (§ 1). Музей включал два отдела: церковно-археологический и миссионерско-этнографический (§ 2). Церковно-археологическим отделом руководил преподаватель церковной археологии. Управление миссионерско-этнографическим отделом поручалось двум преподавателям: от противомусульманской и от противобуддийской групп. Они избирались Советом академии и находились под руководством ректора (§ 5, 6). Фонды церковно-археологического отдела включали памятники письменности, церковного искусства, утвари, одежды, которые представляли русскую церковь, другие православные церкви, а также инославные. Состав фондов включал как подлинные предметы, так и их снимки. Коллекции могли содержать нецерковные памятники, которые способствовали пониманию истории религиозного быта, создания христианского искусства (§ 3). Миссионерско-этнографический отдел составляли религиозные и бытовые памятники «разных инородцев, мусульман и язычников» Российской империи и живших за ее пределами (§ 4).

Формирование фондов осуществлялось следующими путями: выделение из фундаментальной библиотеки церковно-археологических и миссионерско-этнографических письменных и вещественных памятников;

частные пожертвования; покупка на средства академии (§ 8). Академические музеи обычно создавались на базе коллекций древлехранилищ, которые постепенно аккумулировали редкие предметы, значимые для программы обучения. Основу фондов казанского музея также должно было составить собрание церковно-археологических и миссионерско-этнографических письменных и вещественных памятников, которые находились в отделе по хранению вещевых источников древлехранилища академической библиотеки. Этот отдел появился в результате передачи преподавателями коллекций, которые содержали не только книги, но и редкие предметы, имевшие этнографическую и историческую ценность. Еще одним источником пополнения фондов были поездки студентов на практику во время летних вакаций в окрестные села. Кроме принятия пожертвований от частных лиц, монастырей, церквей и т.д., планировалось осуществлять закупки на средства академии, особенно для миссионерско-этнографического отдела (§ 8). Для хранения музейных коллекций должны были выделить отдельное помещение в зданиях академии (§ 9). Именно отсутствие помещения Н. Красносельцев определил как причину несостоявшегося создания музея в 1881 г. Музей создавался главным образом с целью научной разработки и успешного преподавания предметов, изучение которых требовало наглядности (церковной археологии и миссионерских наук). Но обратим внимание, профильным предметом миссионерских наук в музейном измерении стала этнография, которая выражала их практическую составляющую.

Обратимся к содержанию программы проекта: «Кроме языков и истории распространения христианства между инородцами – мусульманами и язычниками на миссионерском курсе имеют место: история и обличение мухамеданства и ламайства, а затем – этнография татар, киргиз, башкир, чуваш, черемис, вотяков, мордвы, монголов, бурят, калмыков, вотяков (опечатка, в Уставе – самоедов [11. С. 239]), якутов, чукчей, тунгузов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других» [9. С. 6–7]. Новизну составило включение в нее всех бесписьменных народов Сибири, которые «в большинстве версий российского прошлого оставались невидимыми» [14. С. 15]. Возникает вопрос, что явилось причиной возникновения миссионерской версии?

Вернемся к комиссии. Напомним, что в ее составе был Василий Миротворцев, который, кроме всего прочего, входил в Казанскую Переводческую комиссию, созданную в 1876 г. при Православном миссионерском обществе под давлением миссионерской практики переводов [15. С. 331]. В сферу ее деятельности вошли народы Сибири, созданием письменности которых занимались миссионеры и которые позднее были перечислены в официальной программе по монгольскому отделению. Таким образом, в миссионерской академической версии появились народы, культуры которых переживали переход от устной речи к письменной.

Отметим здесь, что миссионерское знание было «не бесплотный мыслительный акт «видения через», а нечто, обладающее чертами события...». Эта «культурная плотность» [16] знания самих миссионеров, очевидно, и сделала возможным не только осознание принципиально

нового содержания, возникшего в результате переводов на десятки языков, радикально отличавшихся от русского, но и возникновение идеи музея миссионерской этнографии как средства объективации этого нового содержания, открывающего его новые возможности [17. С. 101]. Новым содержанием, которое требовало визуализации, было «знание не только религиозных воззрений этих инородцев и их служебных обрядов, но и форм их гражданского и семейственного быта и особенностей... национального характера», знание, которое было «не достаточно приобретать... из книг и лекций профессора» [13. С. 7]. Предметами-«посредниками», «проводниками» по этому знанию, «физические свойства которых более подходящи при решении возникшей задачи», [17. С. 103] должны были стать разнообразные предметы «религиозного и частного быта тех многочисленных народностей, которые подлежат миссионерскому действию» [13. С. 7]. Согласно проекту, музей знакомил студентов с бытом коренных народов, среди которых им предстояло заниматься миссионерской деятельностью. В этом смысле он заменял командировки в ме-

ста проживания «инородцев», как более доступный метод подготовки студентов.

В 1889 г. Совет академии признал открытие «церковно-археологического и миссионерско-этнографического музея очень полезным для науки» [С. 13. С. 9]. Для реализации проекта требовалось финансовое и разрешительное участие Св. Синода, но последний отклонил ходатайство. Потребовалось еще более 20 лет, чтобы в 1912 г. Н.Ф. Катанов открыл в Казанской духовной академии историко-этнографический музей [2. С. 59]. Практические занятия церковной археологией так и остались на уровне знакомства по рисункам вплоть до революции [18. С. 35]. Таким образом, предыстория создания музея в Казанской духовной академии продолжалась почти четыре десятка лет. Сама идея создания музея прошла ряд трансформаций, связанных с реформированием Устава академий в 1869, 1884, 1910 гг. Вместе с тем, программы Устава аккумулировали многослойную совокупность развития академического образования и его социокультурного контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлыккина М.И. Музеи высших учебных заведений дореволюционной России (1724–1917 гг.). Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2000. 238 с.
2. Отчет о состоянии Казанской Духовной академии за 1911–1912 год. Казань : Центральная типография, 1912. 63 с.
3. О. Максим (Козлов), Федоров В.А. Академии духовные и православные в России / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2000. Т. 1. С. 349–352.
4. Устав Православных Духовных Академий : высочайше утв. 30 мая 1869 года № 47154 // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание (ПСЗРИ). СПб., 1873. Т. 44. (Отд. 1). С. 545–556.
5. Отчет о состоянии Казанской Духовной академии за 1877–78 год. Казань : Типография Имп. ун-та, 1878. 52 с.
6. Церковные (Церковно-исторические) музеи // Российская музейная энциклопедия. М. : Прогресс ; РИПОЛ классик, 2005. С. 725–728.
7. Жизнеописание высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского // Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви : в 7 кн. М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1994. Кн. 1. С. 11–32.
8. Протоколы заседаний Совета Казанской Духовной академии за 1881 год. Казань : Типография Императорского Университета, 1881. 386 с.
9. Протоколы заседаний Совета Казанской Академии за 1888 год. Казань : Типография Императорского Университета, 1888. 289 с.
10. Отчет о состоянии Казанской Духовной академии за 1888–1889. Казань : Типография Имп. ун-та, 1889. 65 с.
11. Устав Православных Духовных Академий : высочайше утв. 20 апреля 1884 года № 2160 // ПСЗРИ. 3-е собрание. СПб., 1887. Т. 4. С. 232–243.
12. Протоколы заседаний Совета Казанской Академии за 1890 год. Казань : Типография Императорского Университета, 1891. 346 с.
13. Протоколы заседаний Совета Казанской Академии за 1889 год. Казань : Типография Императорского Университета, 1889. 346 с.
14. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авт. пер. с англ. О. Леонтьевой. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
15. Ильминский Н.И. Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань : Изд-во редакции Прав. собеседника, 1895. 414 с.
16. Мамардашвили М.К. Наука и культура. URL: <http://philosophy.ru/library/mmk/science.html> (дата обращения: 27.07.2012).
17. Лекторский В.А. «Альтернативные миры» и проблема непрерывного опыта // Природа научного познания: Логико-методологический аспект / В.А. Лекторский, В.С. Стѣпин, В.С.Швырѣв и др. ; ред. кол. М.А. Ельяшевич и др. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 57, 105 с. (Философия и наука в системе культуры).
18. Отчет о состоянии Императорской Казанской Духовной Академии за 1915–1916 год (С 16 августа 1915 г. по 15 августа 1916 г.). Казань : Центральная типография, 1916. 70 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 октября 2012 г.